

А.Ю. Быков

Российско-Сингапурский Деловой Совет, Москва, Россия
(E-mail: cso@rstradehouse.com.КК)

Взаимоотношения Оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.

В статье рассмотрены исторические процессы социальных отношений в Казахстане в первой половине XVIII в. на уровне элиты. Изучен опыт первых административных работников, назначенных в Казахстан Петром I и его наследниками. Взаимоотношения между ханством, его аппаратом управления и, по сути, колониционной администрацией ранее интерпретировались как процесс добровольного присоединения Казахстана к России. Автор привержен концепции взаимоадаптации и продолжает исследование взаимоотношений не только на основе 1731 г. В работе изучены и другие контакты различных представителей казахской элиты с административным персоналом молодой Российской Империи. В результате исследований подчеркивается роль султана Барака в треугольнике взаимоотношений Младшего, Среднего жузов и аппарата Российской Империи. Новизна данной темы в том, что дана не только характеристика значения добровольности в присоединении Казахстана к России, но и сложность зарождения процессов этнополитической взаимоадаптации казахской и русской элит. В статье использовано большое количество архивных источников, которые только с недавнего времени начали передаваться Российской Федерацией в Республику Казахстан, что усиливает содержание и пользу данного исследования для развития культурно-исторических российско-казахстанских отношений.

Ключевые слова: Казахское ханство, Младший жуз, Средний жуз, Оренбургская администрация, хан Абулхаир, административные структуры.

Номинальное включение в состав Российской империи казахов Младшего и Среднего жузов потребовало организации местного управления. Первоначально оно существовало в форме комиссий, наделенных чрезвычайными и особыми полномочиями, а затем было создано Оренбургское генерал-губернаторство. Вместе с тем долгое время российские власти не распространяли структуры имперской системы управления на казахское население, сохранявшее широчайшую автономию во внутренних вопросах. Осуществление системы протектората с элементами вассалитета ограничивалось включением, и то зачастую тайно, в административные структуры лишь отдельных представителей традиционной казахской знати.

Во второй четверти XVIII в. из знати ак суйек наибольшей популярностью в казахском народе пользовались ханы Абулхаир и Абулмамбет, султаны Барак, Ералы, Нуралы и Аблай, а также представители знати кара-суйек батыры Джаныбек, Букенбай и бии Казбек и Толе. Каждый из них в той или иной степени пытался усилить собственное влияние. Одним из средств добиться этого являлись взаимоотношения (сотрудничество или противостояние) с российской администрацией.

Казахские ханы и султаны неоднократно обращались к правительству России с просьбой о постройке для них городов и укреплений, выделении им особых российских воинских подразделений для урегулирования внешних и внутренних вопросов и о снабжении их огнестрельным оружием новейших образцов, артиллерией и боеприпасами [1]. Наиболее часто такие просьбы поступали от хана Абулхаира и его детей. Несмотря на желание включить аллогенов в имперскую стратификацию, правительство и местная Оренбургская администрация долгое время не поддерживали этих требований казахов, опасаясь их отложения [1; 287], ограничиваясь присылкой посольств и подарков, а также оказанием дипломатического давления на внешних врагов казахов, в первую очередь на джунгар.

Определенную и немаловажную роль в становлении своеобразной системы протектората с элементами вассалитета играли и межличностные отношения представителей имперской администрации и традиционной казахской знати. Так, следует признать удачным выбор правительством главой комиссии по решению всех «казахских» вопросов этнического татарина, сохранившего конфессиональную принадлежность суннитскому исламу, генерал-майора А.И. Тевкелева [2], которого казахи почетно именовали Тевкель-мырза. Другой ключевой фигурой Оренбургской администрации середины XVIII столетия, несомненно, следует считать первого генерал-губернатора И.И. Неплюева. Между ним и Тевкелевым сложились доверительные, конструктивные взаимоотношения. Так, Тевкелев, ре-

гулярно посещая ставку Абулхаир-хана и заверяя хана в личной дружбе и преданности, в отчетах обычно поддерживал позицию Неплюева, который полагал, что главной причиной внутреннего неурядиства казахской степи являлся именно хан Абулхаир, постоянно интриговавший башкир, калмыков против российских подданных, а временами и против Оренбургской администрации.

Абулхаир предпочитал вести дела именно с Тевкелевым, считая, что последний может в наибольшей степени содействовать удовлетворению его просьб. Связывали их и общие увеселительные застолья, также рассматривавшиеся российскими властями как средство удержания знати нерусских народов в зависимости от Российской империи. Так, 8 июля 1748 г. (т.е. за месяц до собственной гибели) Абулхаир писал Тевкелеву по приезде последнего из ставки хана: «А за ваше благополучное в Орск возвращение радуемся немало. Токмо за неимением вина куража нет. Я было о присылке того и пшеничной муки до прибытия вашего в Орск писал, только вразумил, что без воли вашей того чинить не могут» [3]. Диаметрально противоположным было отношение Абулхаир-хана к Неплюеву. Дело доходило до того, что в разговорах делался «выговор от Абул Хаира Неплюеву... в непристойных терминах» [4; 300]. Тевкелев в этих условиях зачастую выступал в качестве посредника в их отношениях [4; 107].

Власть хана Абулхаира достигла апогея в период джунгаро-казахских войн, когда он возглавлял всеказахское ополчение, но с ослаблением интенсивности военных действий (в том числе и благодаря приему казахов в российское подданство) авторитет правителя стал постепенно снижаться. Его претензии на признание общеказахским ханом не были поддержаны большинством представителей родовой знати. Помимо прочего, серьезным фактором в таком решении являлось генеалогическое происхождение Абулхаира, принадлежавшего к чингизидскому роду Осекидов, тогда как большинство казахских ханов происходили от Жади́га. Власть Абулхаира признавалась к концу 1730-х гг. лишь значительной частью казахов Младшего жуза и некоторое время отдельными племенами Среднего жуза, султаном-правителем которых был сын Абулхаира Ералы [4; 107]. По сообщениям представителей русской администрации 1743–1744 гг., хан Среднего жуза Абулмамбет предпринимал попытки утвердить султаном среди киреев своего сына — Большого Булата, однако родовые старшины не признали его претензий, апеллируя к первенству Абулхаира перед Абулмамбетом и заявляя, что «Ер-Али не своим владеет, а по отце ево» [5]. Некоторое время власть Абулхаира признавали и приаральские каракалпаки [6]. Также недолго он был и правителем Ташкента [6; 9]. Однако иерархия казахских владетелей не была статичной. С ослаблением внешней угрозы на первый план выходили уже не сила и доблесть, а иные качества, которые требовались в мирный период жизнедеятельности кочевнического социума. По-видимому, Абулхаир не сумел должным образом адаптироваться к изменявшимся условиям, в результате его позиции в казахской степи и за ее пределами ослабевали.

После смерти хана Семеке (Шемяка-хан в русских источниках) ханом Среднего жуза был избран Жади́гид Абулмамбет, но его власть была номинальной. Он довольствовался управлением Туркестаном и внешними признаками почтения. Реальную власть уже на рубеже 1730-х–1740-х гг. сосредоточили в своих руках султаны Аблай и Барак, при доминировании второго. «Абулмамбет хан... удалился он в город Туркестан, смежной к Средней орде, и в правление ординское вступили тогда родственник его Барак, и помянутый брат его Аблай Солтан» [6; 8]. По мнению М.П. Вяткина, значительную роль в ослаблении позиций Абулмамбета в Среднем жузе сыграли интриги и открытые вооруженные действия хана Абулхаира, поддержанные одним из сильнейших батыров Среднего жуза Джанибеком [7]. Альянс Абулхаира с Джанибеком сложился еще в период «Актабан шубырынды». Постепенно Абулмамбет потерял власть и над Туркестаном. Здесь в середине 1740-х гг. владельцами были его сын Пулат-султан и племянник Сеит-хан [8; 359]. Лишь в конце 1740-х гг. при поддержке Барака Абулмамбет восстановил свою власть над Туркестаном [8, 9].

Таким образом, власть казахских владетелей была весьма непрочной и обычно кратковременной, противостояние родов и жузов во многом дополнялось генеалогическими противоречиями, что создавало иллюзию междинастической борьбы. Власть представителей поколения Осека, полученная ими по праву личной храбрости и военно-организаторского таланта во время антиджунгарских войн, постепенно ослабевала. Происходило усиление позиций отдельных представителей поколения Жади́га, но общей тенденцией были упадок централизации управления и ослабление полномочий султанов и ханов.

В Старшем жузе в это время власть была сосредоточена в руках различных султанов и старшин, но постепенно она переходила в руки представителей кара-суйек. Наибольшим влиянием пользовался Толе бий Алибек-улы. Значительная часть патронимических объединений Старшего жуза в 1735–

1745 гг. признавала зависимость от Джунгарии [9], незначительная — от среднеазиатских владетелей. Вместе с тем межжуровые связи сохранялись, и позиция знати Старшего жуза существенным образом влияла на ситуацию в Младшем и Среднем жузах, а также на взаимоотношения их владетелей с российской администрацией.

Хан Абулхаир, надеявшийся при поддержке российских властей стать общеказахским ханом, не достигнув своей цели и стремясь поддержать свою силу, статус и вождистские позиции, постепенно стал предпринимать шаги, которые подрывали союзные отношения с Россией и не соответствовали условиям принятия в подданство в европейском понимании международного права того времени. Более того, Абулхаир неоднократно руководил нападениями казахов на пограничные российские укрепления, а также на кочевья калмыков и башкир [10]. Исследователи и многие современники обычно отмечали, что казахи имели слабое вооружение, преимущественно луки и копья. Так, В.И. Даль писал: «Не воображайте, впрочем, киргиза (казаха. — А.Б.) горским наездником: он вооружен весьма плохо, но по свойству степного жителя, не менее того труслив, и пятисотенный полк уральцев (уральских казаков. — А.Б.) может исходить все пространство Зауральских степей» [11]. В то же время на вооружении у казахов имелось огнестрельное фитильное оружие. Несмотря на то, что приводимые ниже данные, вероятнее всего, завышены, они все же ставят под сомнение устоявшееся в науке представление о чрезвычайно низком уровне вооружения казахов. Из донесения генерал-майора фон Штокмана от 1744 г. следует, что казахи Младшего и Среднего жузов «при случае всеобщего их к какой-либо войне предвосприятия или замешания легко может собраться в обоих до 30 тысяч человек, и более дельных людей с огненным оружием», а прикаспийские казахи владели и артиллерией, захваченной во время нападения на купеческие суда [12; 4]. Россия не желала усиления технико-тактических качеств вооружения казахов, полагая, что оно может быть использовано не только против ее интересов, но и против собственно российских поселений. Не случайно, что 26 августа 1739 г. хану Абулхаиру было отказано в присылке ему пушек и пушкарей [12; 287]. Крупнейшие нападения на волжских калмыков были совершены 6 мая и 5 августа 1746 г. В последнем случае в набеге принимали участие свыше 1500 вооруженных ружьями казахов. Попытка донских казаков, дислоцированных в Кизляре, силой отбить добычу казахов привела лишь к частичному успеху, «за множеством их, киргиз-кайсак» [12; 386]. Многочисленные требования российских властей различного уровня о возврате пленных, угнанного скота и имущества чаще всего успеха не имели [12; 386, 387].

Милитаристские наклонности Абулхаира, во многом обусловленные самой системой организации кочевого социума, в первую очередь ее экзополитарностью, не находили одобрения со стороны российских властей и способствовали складыванию напряженных отношений между ханом Младшего жуза Абулхаиром и оренбургским генерал-губернатором И.И. Неплюевым. Это приводило к изменению отношений русской администрации и к иным представителям традиционной казахской аристократии.

Если первоначально российские власти рассматривали Абулхаира в качестве основного рычага реализации собственных интересов в регионе, приведения к присяге новых родов и этнических групп (хивинцев, каракалпаков, туркмен) и развития русско-казахской интеграции, то к 1740-м гг. он стал рассматриваться в качестве одного из основных препятствий для дальнейшего динамического развития этих процессов. Более того, Абулхаир сам усиливал формирование такого имиджа, нападая на принявших при его же непосредственном участии и посредничестве российское верноподданство казахов и каракалпаков. По сообщениям Гладышева, посетившего казахскую степь в 1742–1743 гг., казахи под предводительством хана Абулхаира, султанов Нуралы и Ералы, а также при поддержке Джанибек-тархана вторглись в кочевья каракалпаков. Объясняя причину этого, Абулхаир заявлял, что каракалпаки отказались платить «по прежнему обыкновению... на зимнее время запасу не малого числа» [12; 253]. Каракалпаки мотивировали свой отказ тем, что «состоят уже в российском подданстве», наравне с Абулхаиром [12; 253]. Несмотря на протесты представителей российской власти, казахи «ходили на них (каракалпаков. — А.Б.) войною, и напав нечаянно побили из них не малое число людей, а многих побрали в полон, да и в протчем великое причинили им раззорение» [12; 252]. В 1747 г. те же казахские владетели вновь планировали поход против верхних каракалпаков [12; 38].

В такой ситуации оренбургские власти изменили свою позицию и перестали поддерживать претензии Абулхаира и его потомков на власть в Хиве, полагая, что это не только не привлечет среднеазиатские этнические группы в российское подданство, но, напротив, будет способствовать частичному отложению принявших российское подданство родов казахов. Кроме того, российские власти опасались осложнения внешнеполитической напряженности в регионе, в частности, обострения от-

ношений с Персией, также претендовавшей на среднеазиатские владения. В результате, по рекомендации Неплюева, Найденова и Уразина, в 1745 г. Сенат отказался поддержать претензии сына Абулхаир-хана султана Нуралы на власть в Хивинском ханстве, даже несмотря на то, что «хивинцы призывали ево, Нуралы, к себе на ханство» [12; 357, 358]. Такое же решение было принято российским правительством и по отношению к потерявшему власть в Среднем жузе султану Ералы. Причем это было сделано, несмотря на ходатайство «персидского шаха сына... между Хивою и Бухариюю обращающегося» [12; 358]. Напротив, в 1747 г. российские власти благожелательно восприняли утверждение на ханском престоле Хивы противника Абулхаира, казахского султана Каипа. Каип происходил из поколения Жадига, был сыном султана Батыра, являвшегося правителем поколения алимулы (Младший жуз) и не признававшего власть Абулхаира.

Таким образом, российские власти не препятствовали ослаблению позиций Абулхаир-хана среди казахов, а зачастую даже прямо или косвенно способствовали этому. Абулхаир в таких условиях пытался найти иную внешнеполитическую поддержку, в том числе среди недавних врагов — джунгар. По свидетельству посетившего Джунгарию поручика А. Левашова, датируемому 1745 г., у Галдан-Цэрена в аманатах «в знак соседственной дружбы» содержался 17-летний сын Абулхаира [12; 358]. Одновременно Абулхаир пытался найти оппонентов представителям оренбургских властей среди членов российского правительства. Несколько раз он отправлял письма на имя императрицы Елизаветы и канцлера А.П. Бестужева-Рюмина с жалобами на действия губернатора И.И. Неплюева [13; 41]. Однако эти попытки были безуспешны. Напротив, они имели ряд нежелательных для Абулхаира последствий. Во-первых, высшие сановники и лично императрица безапелляционно поддержали позицию генерал-губернатора. Во-вторых, непоследовательные и, что особенно важно, вооруженные действия Абулхаира против российских подданных вынудили российское правительство, в конце концов, принять решение о применении против казахов, подведомственных Абулхаиру, военных сил посредством поддержки выступлений против них донского и уральского казачества, башкир, калмыков и не подвластных Абулхаиру казахов [13; 41–45].

Внешнеполитическая ситуация в Центрально-Азиатском регионе, в частности в Прииртышье, во второй половине 1740-х гг. для России осложнилась. Джунгары стали вновь угрожать российским поселениям в Сибири, и местные власти старались привлечь казахов к охране и защите сибирских линий [13; 380]. Правительство, в частности, поддержало подобное предложение фон Штокмана и рескриптом канцлера Бестужева-Рюмина постановило в случае реальной угрозы нападения джунгар на сибирские укрепления «киргиз-кайсаков противу оных калмыков поднять» [14; 292]. Более того, российские власти доносили, что казахи, стремясь обезопасить себя от набегов джунгар, производят поджоги травы, уничтожая тем самым пастбища, потенциально привлекательные последним, косвенно этим защищают российские крепости по Иртышу [15; 75].

Это было тем более актуально, что российским властям стало известно об агитации Галдан-Цэрена среди казахов с целью организации совместных военных действий против российских укреплений. Так, в 1744 г. правитель Джунгарии присылал к «Барак салтану и к тамошним киргизским старшинам нарочных в тот образ, дабы они с ними были заодно, возбуждая их сим, что российские люди завоевали у них, зенгорцев (джунгар. – А.Б.), реку Иртыш, а от них киргиз-кайсак, отняли Яик и построили свои крепости; а впредь де могут и так далеко завладеть, что к кочеванию и места им не останется» [16]. Барак отказался от прямого ответа, затягивал переговоры, а сам параллельно вел переговоры с российскими властями. В итоге Барак заявил джунгарским послам, что подведомственные ему казахи не подвергаются притеснениям со стороны российских властей, а от торговли с Россией казахи извлекают значительные выгоды, «а такое неприятельское дело начав, надобно думать как скончат; и тако, их отпустил от себя, не дав никакого писменного ответа» [16; 255].

Часть принявших российское подданство казахских владельцев продолжали поддерживать достаточно тесные отношения с Джунгарией. Так, владелец одного из найманских родов Кучук-хан кочевал «смежно с джунгарами» [16; 361]. Отказавшись от прямых переговоров со второй половины 1740-х гг., султан Барак поддерживал контакты с джунгарскими владельцами через Кучук-хана. Султаны Барак, Аблай и около двадцати казахских старшин в том же году отдали джунгарам своих детей в аманаты [16; 47]. Более того, казахи Среднего жуза принимали участие в некоторых военных походах западных монголов. Так, в декабре 1745 г. начальник Сибирских линий Г.Х. Киндерман доносил Сенату, что казахи совместно с джунгарами «абдыкаримовцов и раззорили де у оных три городка да владыческого их сына взяли в полон» [16; 372]. По донесению оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева Сенату, хан Среднего жуза Абулмамбет в это же время пытался при посредничестве

джунгар вернуть себе управление Туркестаном, с той же целью ездил к хунтайджи и утвердившийся в городе Сеит-хан [16; 377-381]. Вполне убедительным представляется мнение И.В. Ерофеевой, отмечавшей, что стремление ряда казахских султанов к сближению с джунгарами в середине 1740-х гг. определялось в значительной мере стремлением вернуть утраченные владения в Семиречье [17].

В Ташкенте джунгары осуществляли управление через собственных ставленников, но, видимо, казахи также принимали участие в управлении городом и округой. Во всяком случае, к 1744 г. относится следующее сообщение Коллегии иностранных дел: «Находящийся в Большой Орде знатнейший Тюлябий... пребывание свое более в Ташкенте имеет и около одного и городки свои заводит» [18]. В 1745 г. город был захвачен персидскими войсками [19]. Затем власть над округой вновь перешла в руки казахских владетелей. Летом 1745 г. джунгары попытались восстановить свой суверенитет над Ташкентом и частью Семиречья. Галдан Цэрэн призвал на помощь султана Барака и хана Абулмамбета. Хан Среднего жуза, надеясь на усиление собственного статуса в жузе и на получение в управление присырдарьинских городов, поддержал претензии джунгар. В то же время Барак прямого ответа не дал [19; 321-325], а позднее и вовсе поддержал антиджунгарские выступления Толе бия, отравившего направленных к нему джунгарских послов и заключившего союз с Абдулкарим беком [19; 325, 326]. Фактически уже с 1745 г. Толе бий восстановил свою власть над Ташкентом, хотя все же оставил свою ставку на некоторое время «недалеко от Ташкента [где] и свой городок имеет» [19; 326]. Известно, что в 1748 г. управление Ташкентом и округой официально вновь осуществлялось Толе бием [19; 148]. Часть казахов, независимо от Барака и Толе бия, также поддерживала антиджунгарское движение, лидером которого являлся правитель Ходжента Абдулкарим бек [19; 377].

Султаны поколения Абулхаира также пытались в это время вмешаться в среднеазиатские дела. В первую очередь, в вопрос об управлении Хивой и каракалпаками. Нуралы просил российское правительство оказать ему вооруженную поддержку воинскими командами и артиллерией против утвердившегося на хивинском престоле султана-жадигида Каипа Батыр-улы. В удовлетворении просьбы было отказано [19; 181]. Как и в Среднем жузе, где часть казахов занимала про-, а часть — антиджунгарские позиции, так и в Младшем жузе представители поколения алимулы выступали в поддержку Хивы сначала против хана Абулхаира, а затем и Нуралы. В этом они опирались на поддержку ряда казахских родов Среднего жуза.

Российское правительство продолжительное время официально не вмешивалось в среднеазиатские дела, ограничиваясь защитой «собственных» рубежей по Уралу, Иртышу и Горькой линии. В одной из инструкций подчеркивалась необходимость «уклоняться от всякого вмешательства в взаимные распри владетелей Средней Азии» [19; 51]. В то же время российские власти тщательно отслеживали динамику развития политических процессов в этом регионе, стараясь сохранить и упрочить собственные позиции. Попытки вмешательства Абулхаира в среднеазиатские конфликты были восприняты российскими властями как действия, наносившие ущерб интересам Российской империи. Попытки Тевкелева, возвращенного после семилетнего перерыва в казахскую степь в 1747 г., коренным образом изменить ситуацию к успеху не привели.

Российские власти с этого времени стали рассматривать возможность поддержки притязаний на власть иных казахских султанов и ханов, особенно из владетелей Среднего жуза, как один из основных вариантов противодействия нежелательному развитию центральноазиатских дел. Появились даже проекты устранения Абулхаира от ханского достоинства. Так, после неоднократных предложений И.И. Неплюева, 31 января 1747 г. Правительствующий Сенат направил в Коллегию иностранных дел рекомендации для Тевкелева, в которых, между прочим, отмечалось: «...Ежели он, Абулхаир хан, той своей злобы и противностей не отстанет, чтоб ево от ханства отставить, а вместо ево выбрав, ханом произвести из доброжелательных старшин». В рекомендациях говорилось, что этого пока не следует официально вносить в инструкцию Тевкелеву, а нужно изложить в устной форме. Однако уже 1 мая 1747 г. было поручено такую письменную инструкцию Тевкелеву «отправить немедленно» [19; 13]. Кроме того, в полученной 7 июля того же года Тевкелевым инструкции отмечалась необходимость напомнить Абулхаиру о его верноподданстве, о необходимости прекращения грабительских набегов на Яицких линиях и в Поволжье [19; 32]. Если это не возымеет действия, рекомендовалось первоначально пригрозить применением силы, а затем, «если не прекратятся предезности, придется к этой крайней мере приступить» [19; 34].

Еще до принятия Барака в подданство Российской империи, но имея таковое ввиду, начальник Оренбургской экспедиции В.А. Урусов рекомендовал оказывать поддержку подданным султана Барака в случае возникновения у них конфликтов с джунгарами [20]. В качестве оппонента Абулхаиру

Неплюевым рассматривалось несколько кандидатур. Наибольший интерес и доверие вызывал у него именно султан Барак. Это определялось его политической силой в казахской степи, широкими связями со среднеазиатскими правителями и джунгарами. В июне 1747 г. Барак обратился к Неплюеву с просьбой об освобождении находившихся под стражей казахов Мухаммета и Давлет бая [21; 27-30]. Этот повод, а также вопрос о разрешении казахам бесположенной торговли на Сибирских линиях были использованы оренбургскими властями для расширения контактов с султанами-жадигидами Среднего жуза. Оба означенных вопроса были разрешены к «удовольствованию киргис-кайсацкому» [21; 37].

В патронимической родоплеменной структуре казахского общества в первой половине XVIII в. происходили серьезные изменения. Неоднократно роды переходили из одного племени в другое, под воздействием политических факторов формировались новые племенные образования. Этот процесс накладывался на типичное формирование новых родовых подразделений (ру), связанное с семипоклоленной системой кровного (иногда мнимого) родства казахов. С другой стороны, эти же изменения вносили коррективы во внутривполитические коллизии в казахской степи.

Источники сохранили сведения, что в первой половине XVIII в. из трех казахских жузов «Средняя Орда признается здесь многолюднее и богаче протчих орд» [22, 1]. Основой политической силы Среднего жуза во внутривполитической иерархии являлось экономическое благосостояние ее населения. По сведениям И. Рейнсдорфа и П. Рычкова, «сия Орда пред Меньшею подлинно люднее и богаче, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше... да и народ в сей Орде посостоятельнее» [22; 158].

В патронимической структуре казахского общества протекали важные процессы, оказавшие серьезное влияние на внутривполитические процессы. В Младшем жузе из трех племенных союзов — алимулы, байулы и жетыру — лишь первые два известны ранее XVIII в. Семиродцы (жетыру) как союз сформировались в начале XVIII в. из разрозненных родовых объединений для защиты от притеснений более многолюдных соседей [23; 110, 111]. Однако, несмотря на укрупнение, это патронимическое объединение являлось в Младшем жузе слабейшим. Инициатором такого объединения являлся хан Тауке. Ему же приписывается инициатива объединения в один союз племен в Среднем жузе уаков, киреев и таракты. Причем, несмотря на численное доминирование киреев, реальная власть в новом объединении принадлежала уакам. Это следует как из семантики: уаки стоят на первом месте в словарном обороте, так и из письменных источников того времени, свидетельствующих, что племя уаков являлось самым богатым в Среднем жузе [23; 107]. Есть сведения о попытке сформировать отдельный род из полувисимого сословия теленгутов, а также о том, что одно из племен Среднего жуза — конрат — перешло в состав Старшего жуза. Причем источники отмечают силу этого племени и сохранившуюся его связь с племенами Среднего жуза [23; 109].

В середине 1740-х гг. Абулхаир и его сыновья признавались правителями среди байулы (султан Нуралы), жетыру (султан Айшуак) и нескольких родов киреев (султан Ералы). Сильнейшее объединение Младшего жуза — алимулы — признало власть султана Батыра из поколения Жадига. В Среднем жузе аргыны признавали власть Аблая и Барака, найманы, уаки и таракты — Барака, кипчаки — Абулмамбета и Барака, конраты — Тауке и Барака. Из этого следует, что власть и влияние Абулхаира все более ослабевали, а возрастали власть и влияние Барак-султана. Вполне естественно, что их отношения обострились, а их интересы столкнулись. Более конструктивные контакты Барака с государствами Средней Азии и Джунгарией, поддержка его действий фактическим лидером Старшего жуза Толе бием, а также «ставка» на него, в противовес Абулхаиру, со стороны российской администрации сделали во второй половине 1740-х гг. Барака сильнейшим владельцем среди казахов. В этих условиях конфронтация между ним и Абулхаиром за вождистское преобладание была неизбежна.

Абулхаир, теряя, и Барак, приобретая влияние и политический вес, искали случая ослабить позиции соперника. Русские источники сообщают о многолетней вражде Абулхаира и Барака и «бывшим у них долговременно между усобным ссорам» [24]. В 1744 г. Абулхаир предпринял попытку силой отложить от Барака казахский род алтай из племени аргын Среднего жуза. Опираясь на поддержку найманского, аргынского и тарактинского племен, Барак нанес Абулхаиру поражение, уже в тот период серьезно поколебавшее авторитет хана как среди казахов, так и в глазах российской администрации. Одной из предпосылок успеха Барака являлся союз со знатнейшим в Среднем жузе Казбек бием из аргынского рода каракесек. Бии и батыры самого алтайского рода также не поддерживали претензий хана Младшего жуза на гегемонию. В своем «объяснении» И.И. Неплюеву они заяви-

ли, что «ежели впредь какие дураки у нас к воровству хотя мало склонятся, то увидим мы, кто в правде состоять будет Абулхаир ли хан с Джамбеком или мы с Барак Солтаном да Казбек бием» [25]. После этого случая позиции султана Барака усилились настолько, что оренбургский генерал-губернатор в своем донесении Сенату от 10 июля 1744 г. отметил: «Тот Барак Солтан между всеми киргиз-кайсацкими владельцами за знатнейшего и многолюднейшего почитается» [25; 211]. Сосредоточению еще большей полноты власти в руках султана Барака в этот период помешало джунгарское вмешательство. Однако его достаточно гибкая позиция с ориентацией на Россию, а затем и открытая поддержка антиджунгарских выступлений казахов Старшего жуза вновь повысили его авторитет. Более того, его власть стали признавать часть родов Старшего жуза и часть нижних и верхних каракалпаков. В результате возникли условия пролонгации перешедшего на некоторое время в латентную форму конфликта с Абулхаиром и его детьми, стремившимися восстановить свою власть над каракалпаками и утвердиться в поколении алимулы, кочевья которого к тому же граничили с Хивой, где также продолжалась борьба за власть, в том числе с участием различных казахских «партий».

После очередного вмешательства Персии в хивинские дела, свержения правившего незначительное время хана Карагузы, потомка хана Старшего жуза Жолбарса, и утверждения на хивинском престоле казахского султана Каипа Батырханова Абулхаир и Нуралы попытались вторгнуться в хивинские пределы, однако они не нашли поддержки со стороны родовой знати. В донесении Неплюева в Коллегию иностранных дел по этому поводу отмечалось, «что де Нуралы салтан, Абулхаир ханов сын, потому что оной Карагузы ему Нуралею, был троюродной брат, на них хивинцов, для нападения собранием иттить хотел, токмо де киргисцы ево от того отвратили якобы тем, что ежели с ними поспориться, то им киргисцам в вымене их товаров способу не будет» [26]. В 1747 г. Абулхаиру пришлось отказаться и от похода против каракалпаков [27; 38].

Опасаясь нового вторжения, как это уже было в 1742 и 1743 гг., часть нижних каракалпаков в числе 3200 семей, «отделясь от протчих, пошли уже сами в киргизскую орду кочевать», признав над собой власть султана Барака [27; 83]. В ответ на это Абулхаир в ультимативной форме потребовал выдать ему каракалпаков [27; 84], но Барак проигнорировал его требования.

Барак попытался к тому же заключить династический союз между Жадигидами и среднеазиатскими правителями, а затем поддержал личные претензии султана Батыра, отца хивинского хана Каипа, к Абулхаиру.

Барак-султан отдавал свою дочь замуж за Каип-хана. С согласия хана Абулхаира его племянник султан Досалы разграбил брачный караван, а нареченную невесту хивинского хана взял себе в жены [27; 67]. Этот инцидент, а также решение «каракалпакского» вопроса стали поводом (а в определенной и мере и причиной) нападения Барака на аул Абулхаир-хана. В письме от 24 августа 1748 г. Тевкелев писал Неплюеву об убийстве Абулхаира: «Подлинно де старшины знают, что ево Батырь султана интригами сват ево Барак солтан ево Абулхар хана убил до смерти» [27; 68].

Как отмечалось выше, Абулхаир и сам искал встречи с Бараком. Он направлялся в кочевья каракалпаков, подведомственных Бараку, с требованием «их от него к себе отдачи и персонального свидания» [27; 83]. Барак выехал ему навстречу, имея численный перевес вооруженного сопровождения [27; 67]. Суммируя материалы различных «сказок» и писем, Неплюев писал об этом событии следующее: Барак, «седши з бывшими при нем киргисцами на лошадей, не сказав ничего, вдруг на него, хана, учинил нападение, и при том де хан по несколькой драке с стороны Баракковой одним киргисцем так жестоко ударен копьём, что и с лошади упал, а Барак де султан, сверх того, слезши с своей лошади, ево, хана, уже лежачего раза с три в живот ножом приколол. И тако он, хан, того ж часа и умер, и Барак со своими людьми отъехал. Но у киргисцов, как с ево ханской, так и з Баракковой стороны, драки при том не было...» [28]. Последнее свидетельствует, что Абулхаир потерял к этому моменту свой вес даже в глазах ближайшего окружения.

Смерть Абулхаира на время резко изменила ситуацию в степи, вновь сделав ее трудно предсказуемой для российских властей. С одной стороны, единственным сильным султаном, претендовавшим на верховную власть, был Барак. С другой стороны, свои претензии на общеказахское ханское достоинство выдвинул старший сын Абулхаира Нуралы. Позиции Барака ослаблялись угрозой «отмщения» (кровной мести), грозившей перерасти в войну между жузами и родами. Позиции Нуралы сами по себе были непрочными, поскольку он прежде не пользовался доверием даже среди большинства родовых старшин и султанов Младшего жуза. (Забегая вперед, следует отметить, что неспособность Нуралы на решительные действия против Барака окончательно подорвала его авторитет, а сам

он стал фактической марионеткой в руках оренбургских губернских властей, заключивших его, в конце концов, под домашний арест в Уфе и лишивших его даже номинального ханского звания.)

Первоначально Нуралы заявил о своей решимости немедленно совершить кровную месть. Об этом же заявили его братья Ералы, Досалы, а позднее и находившийся в аманатах Айшуак. Этот шаг был во многом вынужденным, поскольку таковы нормы обычного казахского права, и отказ от них привел бы к полной утере властных полномочий Абулхаиридами. Родовые старшины чиклы также заявили о необходимости совершения кровной мести против султана алимулинского поколения Батыра [29], но при этом часть этого рода выступала в качестве охраны караванов Батыра. По более поздним сообщениям А.И. Левшина, казахи Младшего жуза алимулинского поколения рода каракеты также выступили против Барака и Батыра, на стороне Абулхаиридов, и, по приказанию хана Нуралы, «ограбили на р. Сагыз многих хивинцев и туркменцев, шедших под прикрытием киргиз-казаков того же алимулинского поколения, но чиклинского рода» [30].

В 1749 г., на поминках по Абулхаиру, собрание старших поколений байулы и жетыру постановило напасть на кочевья Барака. Однако, поскольку военная сила последнего внушала страх и уважение, необходимо было найти союзников против Барака. По донесению полковника Яковлева, в качестве основного союзника были избраны джунгары. Союз облекался в форму брачного договора. За хунтайджи решено было выдать «дочь Абулхаиру, от калмычки рожденную». Переговоры об этом с джунгарами было поручено вести султану Карабашу [31; 143]. Однако пока велись переговоры, невеста умерла, а другую дочь Абулхаира, также рожденную от жены-калмычки Баяны, по имени Намруна, несмотря на решение курултая, взял себе в жены султан Досалы [31; 154].

Российские власти стремились предотвратить как союз казахов Младшего жуза с Джунгарией, так и убийство султана Барака [31; 79]. Оренбургское начальство также стремилось уменьшить вероятность раскола между Жадигидами, в частности, выступления султана Среднего жуза Аблая против Барака [31; 80]. Причину такой позиции раскрыл в своем письме оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев. Он указывал, что интересы России требовали, «чтоб оной Барак при нынешних обстоятельствах, как бы что ни было, спасся и устоял, для высочайших е.и.в. интересов, а особливо на предбудущее время, не без потребности, ибо против фамилии Абулхаир хановой (ежели того нужда позовет) для баланса равного ему нет» [32]. В качестве одного из средств сдерживания Оренбургская администрация использовала подарки к тризне по Абулхаиру его родственникам. Так, жене погибшего хана, ханше Попай, прислана была черная материя для траурного платья [33; 82]. Однако важнейшим рычагом оказания влияния на ситуацию в казахской степи стал в этот период вопрос о конфирмации нового хана.

Уже в письме от 24 августа 1748 г., т.е. спустя всего несколько дней после гибели Абулхаир-хана, Тевкелев писал в донесении из казахской степи Неплюеву о необходимости оказать влияние на процесс избрания хана. А еще «лучше б домогатца главного хана указом зделать; понеже ежели кто у них указом зделан будет, тот может и милость помнить». Более того, этот вопрос рассматривался в качестве важного правового прецедента [34; 68]. Использование впредь такого механизма предполагало усиление зависимости казахской аристократии от России. 14 сентября того же года Неплюев вошел в Коллегию иностранных дел с подобным предложением. В качестве наиболее приемлемого кандидата рассматривался султан Нуралы, которого к тому же «все Малой Орды киргисцы почитают ныне за главного» [33; 79, 80].

Уточняя программу действий, Тевкелев и Неплюев, выплачивая хану регулярное жалованье, предложили правительству использовать корыстолюбие казахской знати и традиционный казахский обычай олжа. Стремление его получения должно было, по их мнению, способствовать тому, чтобы даже выбранные без ведома российского правительства ханы стремились к утверждению. «Тот султан, ведая, что лишается е.и.в. милости и жалованья ханства не примет [без утвержденья], да и старшины не захотят, чтоб хан их был без жалованья, ибо у них древней обычай, яко полученное им должен он всем старшинам разделять» [33; 63]. Неплюев к тому же предложил, чтобы хан получал положенные по штату 300-400 руб. при ежегодной личной аудиенции генерал-губернатора по приезде в Оренбург [33; 64]. Коллегия иностранных дел одобрила этот проект, уточнив, что «хан для ежегодного свидания приезжать не обяжан, но письма ежегодно присылать должен» [33; 66].

Нуралы был избран ханом в 1748 г., а его конфирмация российским правительством состоялась в 1749 г. Официально он был провозглашен не ханом казахов Младшего жуза, а ханом казахов. Это формально поддерживало его претензии на общеказахское ханское достоинство, а практически было сделано для противопоставления Нуралы султанам и хану Среднего жуза, сохраняя потенциал на-

пряженности и создавая, таким образом, более широкую опору губернской власти [34]. Вместе с тем российское правительство не желало вооруженной борьбы и гражданской войны, а потому в качестве условия утверждения в ханском достоинстве российские власти потребовали от Нуралы, помимо прочего, прекращения вражды с Бараком.

Под воздействием политики Оренбургской администрации, а также путем переговоров со старшинами Среднего и Старшего жузов постепенно стало меняться и отношение родовой знати Младшего жуза к Бараку. Если еще в августе-сентябре 1748 г. старшины готовы были поддержать военные действия против жадигидов, а Барак вынужден был искать убежище в Старшем жузе, имея постоянно до 5 тыс. вооруженных джигитов [35; 146-148], то постепенно ситуация менялась. На этот процесс оказывали влияние и иные факторы.

Посетивший ставку Барака в пригороде Ташкента Икане Матвей Арапов доносил, что тот, несмотря на опасения мести, не только сохранил значительные полномочия среди подвластных ему казахов Старшего и Среднего жузов, но и расширил их, приблизив к уровню организации государственной власти. Он «владеет ими так, как настоящий их хан и не только подати с них берет, но в Икане чрез них и дом себе построил и протчие работы исправляет, а сверх того... те улусы, в которых он Барак прежде убития ханского владельцем был, намерены прикочевать к нему Бараку и совокупясь иметь ево у себя по прежнему владельцем» [35; 150, 151]. Подведомственные ему казахи из племен найманов, аргынов и конратов готовы были к началу крупномасштабных военных действий против казахов Младшего жуза в случае агрессивных действий со стороны последних [35; 147-151].

Решительная поддержка Барака родовыми старшинами Среднего жуза привела к тому, что значительная часть знати кара-суйек Младшего жуза перестала разделять идею вторжения в кочевья Среднего и Старшего жузов. Уже в 1748 г. российские власти доносили, что вероятность крупномасштабных военных действий в казахской степи невелика, а если и будет совершено покушение на Барака, то абулхаириды попытаются «небольшою партией напасть на него нечаянно» [36; 81]. Летом 1750 г. Нуралы вновь предпринял попытку организовать нападение на аулы Барака и баракидов, но поддержки среди родовой власти Младшего жуза не нашел. Более того, последние заявили хану, что «им с Среднею Ордою драться не для чего». Российские власти также неоднократно отклоняли просьбы Нуралы о предоставлении в его распоряжение «войска для отмщений Бараку» [37]. Одновременно с этим власти Сибири и Оренбурга заверяли Барака в том, что не будут предпринимать никаких репрессий в его отношении в связи с убийством Абулхаира [36].

В конце концов, дело было решено передать на суд съезда биев, который оправдал Барака [38]. Знать кара-суйек стремилась к окончательному примирению, и, по предложению Джанибек-батыра, между потомками Абулхаира и Барака было заключено несколько брачных союзов [39]. Однако отголоски династических распрей ощущались вплоть до 1820-х гг. [39; 277].

Власть хана Нуралы в Младшем жузе с течением времени становилась все более номинальной. Уже в середине 1750-х гг., в связи с башкирским восстанием Батырши, письма о запрете поддержки «разбойников» И.И. Неплюевым направлялись Нуралы, но одновременно такие же по содержанию письма от имени сына генерал-губернатора рассылались родоправителям. При этом Неплюев в своих «Записках» объясняет это именно слабостью власти хана Младшего жуза [40].

В период 1750-1752 гг. власть Барака все более укреплялась. Он установил собственный контроль над Туркестаном [40], подчинил своему влиянию Ташкент с округой, значительную часть родов Среднего и Старшего жузов, а также приаральских каракалпаков. Концентрация власти сопровождалась определенной централизацией управления, организацией механизма относительно регулярных фискальных сборов, попыткой переселения части казахов в наиболее плодородные места и их перевода на оседлость. Происходило усиление и военного потенциала подведомственных Бараку казахов, тем более что постоянно «под ружьем» состояли не менее 4500 сарбазов, что привело к усилению внешнеполитического веса Барака. Подведомственные ему казахи стали реально угрожать Джунгарии. Опасаясь дальнейшего распространения влияния Барака среди племен Центральной Азии, правитель Джунгарии Цэван Доржи не решился на открытые военные действия, но начал активно интриговать против казахского султана, а в 1752 г. приказал отравить Барака [38].

О статусе и фактическом влиянии султана свидетельствует то, что похоронен Барак был в усыпальнице казахских ханов в мавзолее хазрета Ходжа Ахмета Ясави в Туркестане [41]. После его смерти власть постепенно перешла в руки его двоюродного брата султана Аблая [41], последнего казахского владетеля, обладавшего существенной полнотой власти и значительной автономией в решении внутренних вопросов.

Таким образом, во второй четверти XVIII в. в казахской степи происходили процессы трансформации родоплеменной структуры, сопряженные с борьбой за верховную власть чингизидов поколений Осека и Жадига. На первом этапе власть была сосредоточена в значительной мере в руках осекидов. Наибольшим авторитетом и властью пользовался хан Абулхаир, руководитель антиджунгарского ополчения, первым принесший присягу на верность Российской империи. Однако по мере ослабления внешнеполитической напряженности он все более терял свои позиции. Ставка на укрепление собственного авторитета посредством агрессивных действий против калмыков, башкир, каракалпаков, хивинцев и неподведомственных ему казахов не оправдала себя. Все большее влияние среди казахов приобретали султаны-жадигиды, среди которых постепенно на первые роли вышел султан Барак. 1740-е гг. протекали в постоянной борьбе между династическими ветвями за влияние на казахские племена и роды, а также за приобретение внешнеполитических союзников. Экономическое благосостояние Среднего жуза свидетельствует о том, что Барак решал эти вопросы более рационально, чем его основной конкурент Абулхаир.

Внешнеполитические шаги Барака также имели большой успех. В качестве одного из основных акторов внутривосточной борьбы в Казахской степи выступала Российская империя. Абулхаир то сближался с оренбургскими властями, то шел на открытое противостояние с ними, в то время как Барак старался поддерживать достаточно ровные и дружественные отношения. Подвластные Бараку казахи совершали нападения на российские линии не столь часто, как это делали казахи, управляемые Абулхаиром. К тому же Барак постепенно от союзных отношений с Джунгарией склонился к конфронтации с ней и заключению союза с мусульманскими правителями среднеазиатских владений и правителями Старшего жуза, что рассматривалось российскими властями в качестве выгодного для них варианта развития событий. Позиция Абулхаира была менее ярко выраженной, его решения менялись многократно. В отдельные периоды он пытался, в противовес России, ориентироваться на Джунгарию, вступая при этом то в союз, то в конфликт с Хивинским ханством. Все это способствовало повышению авторитета султана Барака и падению престижа Абулхаира в глазах представителей российской администрации. В комплексе эти причины предопределили конфликт Барака и Абулхаира. Вместе с тем такая вражда в целом ослабляла власть казахских владетелей и усиливала позиции российской администрации, которая стремилась управлять конфликтом, успешно отстаивая таким путем собственные интересы и расширяя сферу своего влияния.

Список литературы

- 1 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 441.
- 2 Арапов Д.Ю. Первый российский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев / Д.Ю. Арапов // Сб. РИО. — № 5(153). — М.: Русская панорама, 2002. — С. 32–37.
- 3 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 50-50а; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. Карт. 15. 1748 г. Д. 3. 108-108 об.
- 4 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
- 5 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3. Л. 120 об.
- 6 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 9.
- 7 Вяткин М.П. Историко-географический очерк Казахстана. — Л., 1940. Неоконченная рукопись на 118 л. Л. 64. Л., 1940. / М.П. Вяткин // Копия. Из личного архива автора.
- 8 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 359, 360, 377.
- 9 Моисеев В.А. Трудные годы // История Казахстана: белые пятна / под ред. Ж.Б. Абылхожина. — Алматы: Казахстан, 1990.
- 10 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик: науч. издание / И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 1999.
- 11 Неизвестный Владимир Иванович Даль. — Оренбург: Оренбург. книжное изд-во, 2002. — С. 57.
- 12 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 434. Л. 4.
- 13 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 41-45.
- 14 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 292 об.
- 15 Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик; отв. ред. В.А. Моисеев. — Барнаул: АзБука, 2006. — Док. №54. — С. 75.
- 16 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255.
- 17 Ерофеева И.В. Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) / И.В. Ерофеева // Из истории международных отношений в Центральной Азии. — Алма-Ата: Ғылым, 1990. — С. 65.
- 18 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1744 г. Д. 4. Л. 120 об.

- 19 Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик. Отв. ред. В.А. Моисеев. — Барнаул: АзБука, 2006. — Док. №53. — С. 74.
- 20 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 42.
- 21 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 27-30.
- 22 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 об.
- 23 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 110, 111.
- 24 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 10.
- 25 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 206.
- 26 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 40; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3. Л. 268-268 об.
- 27 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
- 28 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. Кар. 15. 1748 г. Д. 3. Л. 228.
- 29 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 68.
- 30 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Левшин; под общ. ред. М.К. Козыбаева. — Алматы: Санат, 1996. — С. 226.
- 31 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Д. 7. Л. 143.
- 32 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Д. 7. Л. 81; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 278 об. - 288.
- 33 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.
- 34 Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX веков) / А.Ю. Быков. — Барнаул: АзБука, 2003. — С. 32.
- 35 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 146-148.
- 36 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Л. 62; Д. 7. Л. 181.
- 37 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Д. 6. Л. 79-82; Д. 7. Л. 146.
- 38 Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. / М.П. Вяткин // Известия казахстанского филиала АН СССР. — 1940. — Вып. 1. Сер. историческая. — С. 15.
- 39 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 36. Л. 50.
- 40 Неплюев И.И. Записки [Электронный ресурс] / И.И. Неплюев. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989> С. 53-58.
- 41 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55

А.Ю. Быков

XVIII ғ. бірінші жартысындағы Орынбор әкімшілігі мен жоғары қазақ ақсүйектері арасындағы қарым-қатынас

Мақалада XVIII ғ. бірінші жартысындағы Қазақстандағы әлеуметтік элита деңгейінде және І Петр мен оның мұрагерлері тағайындаған әкімшілік қызметкерлерінің бейімделу үрдістері қарастырылған. Ертеде хандар және оның басқару аппараты арасындағы қарым-қатынас Қазақстанның Ресейге өз еркімен қосылу үрдісі ретінде түсіндіріліп келді. Автор өзара бейімделу тұжырымдамасын ұстана отырып, тек қана 1731 ж. өзара қатынастарды қарастырмайды. Мақалада басқада қазақ элитасы мен Ресей Империясы әкімшілік қызметкерлері арасындағы байланыстар зерттелген. Зерттеу нәтижесінде Кіші, Орта жүздер және Ресей Империясы аппараты үшбұрышты қарым-қатынастарында Барақ сұлтанның рөлі көрсетілген. Мақаланың жаңалығы тек қана Қазақстанның Ресейге өз еркімен қосылуы емес, сонымен қатар қазақ және орыс элиталарының этносаяси өзара бейімделуінің күрделілігі анықталған. Автордың мұрағат құжаттарын кең түрде қолдануы мақала мазмұнын және ресей-қазақ мәдени-тарихи байланыстарын дамытуды барысындағы тиімділігін күшейтіп отыр.

Кілт сөздер: Қазақ хандығы, Кіші жүз, Орта жүз, Орынбор әкімшілігі, Әбілқайыр хан, әкімшілік құрылымдар.

A.Yu. Bykov

Mutual relations between Orenburg administration and higher kazakh nobility in the first half the XVIII century

The article deals with the adaptation processes of Kazakhstan at the level of the elite of social scales of the first half of the 18th century and the first administrative workers appointed to Kazakhstan by Peter I and his heirs. The relationship between the khanate, its administration and in fact the colonization administration was

previously interpreted as the process of voluntary accession of Kazakhstan to Russia. The author remains in this concept and continues the study of relationships not only on the basis of 1731. Other contacts of various representatives of the Kazakh elite with the administrative staff of the young Russian Empire were also studied. As a result of the research, the role of Sultan Barak in the triangle of relations between the Young, Middle Zhuz and the apparatus of the Russian Empire is emphasized. The novelty of this topic is that not only is the characteristic of the significance of voluntariness in the accession of Kazakhstan to Russia, but also the complexity of the origin of the processes of ethno-political mutual adaptation of the Kazakh and Russian elites. The article used a large number of archival sources that only recently began to be transferred by the Russian Federation to the Republic of Kazakhstan, which strengthens the content and benefits of this study for the development of cultural-historical Russian-Kazakhstan relations.

Keywords: Kazakh Khanate, Young zhuz, Middle zhuz, Orenburg administration, Khan Abulkhair, administrative structures.

References

- 1 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 441 [in Russian].
- 2 Arapov, D.Yu. (2002). Pervyi rossiiskii heneral-musulmanin Kutlu-Muhammed Tevkelev [The first Russian general is a moslem Kutlu-Mukhammad Tevrlrv]. Sbornik RIO, 5 (153), 32–37. Moscow: Russkaia panorama [in Russian].
- 3 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS] F. 267. Op. 1. D. 6. L. 50-50a; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian empire MFA RF]. F. 122. Kart. 15. 1748 g. D. 3. 108-108 [in Russian].
- 4 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 2 [in Russian].
- 5 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian empire MFA RF]. F. 122. 1743 g. D. 3. L. 120 ob. [in Russian].
- 6 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 9 [in Russian].
- 7 Viatkin, M.P. (1940). Istoriko-geograficheskie ocherk Kazakhstana. Neokonchennaia rukopis na 118 l. [Historical - geographical essay of Kazakhstan. Unfinished manuscript on 118 l]. *Kopii. Iz lichnogo Arkhiva avtora – Copy. From the personal archive of author* [in Russian].
- 8 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 359-360, 377 [in Russian].
- 9 Moiseev, V.A. (1990). Trudnye hody [Difficult years]. *Istoriia Kazakhstana: belye piatna – History of Kazakhstan: white spots* [in Russian].
- 10 Erofeeva, I.V. (1999). *Han Abulkhair: polkovodets, pravitel i politik [Khan Anulkhair: war-lord, ruler and politician]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 11 *Neizvestnyi Vladimir Ivanovich Dal [Unknown Vladimir Ivanovich Dal]*. (2002). Orenburg: Orenburhskoe knizhnoe izdatelstvo [in Russian].
- 12 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 434. L. 4 [in Russian].
- 13 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 7. L. 41-45 [in Russian].
- 14 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 438. L. 292 ob. [in Russian].
- 15 Moiseev, V.A., Nozdrina, I.A., & Kushnerik, R.A. (2006). Russko-dzhunharskie otnosheniia (konets XVII – 60-e hh. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniia [Russian-dzhungar relation (end of XVII - 60th XVIII). Documents and extractions]. V.A. Moiseev (Ed). (No. 54). Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 16 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 255 [in Russian].
- 17 Erofeeva, I.V. (1990). Russko-dzhunharskie otnosheniia v 40-h hodakh XVIII v. i Kazakhstan (posolstvo K. Millera) [Russian-dzhungar relation in 40th of XVIII of century and Kazakhstan (embassy of K. Miller)]. *Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentralnoi Azii – From the history of international relations in Central Asia*, 65. Alma-Ata: Hylm [in Russian].
- 18 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1744 g. D. 4. L. 120 ob. [in Russian].
- 19 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 42 [in Russian].
- 20 Moiseev, V.A., Nozdrina, I.A., & Kushnerik, R.A. (2006). Russko-dzhunharskie otnosheniia (konets XVII – 60-e hh. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniia Russian-dzhungar relation (end of XVII - 60th XVIII). Documents and extractions]. V.A. Moiseev (Ed.). Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 21 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 27-30 [in Russian].
- 22 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 438. L. 1 ob. [in Russian].

- 23 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 110-111 [in Russian].
- 24 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 10. [in Russian].
- 25 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 206 [in Russian].
- 26 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 40; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1747 g. D. 3. L. 268-268 ob. [in Russian].
- 27 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 38 [in Russian].
- 28 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. Kar. 15. 1748 g. D. 3. L. 228 [in Russian].
- 29 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 68 [in Russian].
- 30 Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirhiz-kazachikh, ili kirhiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of Kirgiz-kazachik6 or Kirgiz-kaicackih hordes and steppes]. M.K. Kozybaev (Ed.). Almaty: Sanat [in Russian].
- 31 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. D. 7. L. 143 [in Russian].
- 32 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. D. 7. L. 81; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1748 g. D. 3. L. 278 ob. - 288 [in Russian].
- 33 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 82 [in Russian].
- 34 Bykov, A.Yu. (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana (Problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX vekov) [Sources of modernisation of Kazakhstan (A problem of седентаризации is in Russian politics of XVIII – XX of centuries began)]. Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 35 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 7. L. 146-148 [in Russian].
- 36 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. L. 62; D. 7. L. 181 [in Russian].
- 37 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. D. 6. L. 79-82; D. 7. L. 146 [in Russian].
- 38 Vyatkin, M.P. (1940). Kazakhskoe obshchestvo v seredine XVIII v. [Kazakh society in the middle of the XVIII century]. *Izvestiia Kazakhstanskoho filiala AN SSSR. Seriya istoricheskaya – News of the Kazakhstan branch of the USSR Academy of Sciences. Historical series, Issue 1*, 15 [in Russian].
- 39 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 9. D. 36. L. 50 [in Russian].
- 40 Nepliyuev, I.I. Zapiski [Notes]. *vostlit.info*. Retrieved from <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989> S. 53-58 [in Russian].
- 41 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 55 [in Russian].